

УДК 94(57)

**ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ КОНСОЛИДАЦИИ
И ИСЛАМИЗАЦИИ ТЮРКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVI–XIX ВЕКАХ***

С.Ф. Тамауров

*(Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук)*

В статье показана значимость археологических материалов, в частности погребальных комплексов, для анализа процесса складывания сибирских татар в XVI–XVII веках, и изучения особенностей развития ислама в Сибири.

Рассматривается проблема консолидации тюркоязычного населения лесостепной полосы Западной Сибири во II тысячелетии, которая выразилась в формировании единого культурного, языкового и религиозного пространства. Изучены причины длительности этого процесса, анализируются факторы, препятствующие или способствующие сближению отдельных этнических групп, уровень социально-экономических отношений, политические события в этих регионах. Показано значение Сибирского ханства в качестве государственно-идеологического объединения всего тюркоязычного населения Западной Сибири, в качестве основного слагающего фактора в формировании этого этноса. Подчеркивается роль российской администрации, ее действий по созданию новой для Сибири территориально-административной системы, распространению православия и т.д. Особое внимание уделено ходу исламизации населения уже в рамках российского государства после прихода русских, роли в этом процессе родовой татарской знати.

В итоге мы можем конструировать ситуацию следующим образом. Тюркоязычное население Западной Сибири под влиянием преимущественно политических событий (а не экономических) оказалось достаточно соорганизованным к последней трети XVI в., то есть готовым к дальнейшему сближению и превращению в единый этнос. Слабость социально-экономических связей не позволила развиваться этому сближению. Процесс консолидации стал развиваться уже в других условиях – после присоединения Западной Сибири к российскому государству – в XVII–XIX вв. Ключевую роль в этом сыграла татарская родовая знать и переселившееся мусульманское население из Средней Азии и Поволжья, а решающим фактором – исламизация всего тюркоязычного населения.

Данная статья только подчеркивает основные факторы этого процесса. Для полноценного раскрытия истории формирования сибирских татар – определения основных временных этапов и движущих сил – необходим

* Статья написана в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект №33.1684.201 «Алгоритмический анализ социокультурных систем народов Северной Евразии в XVIII–XXI веках».

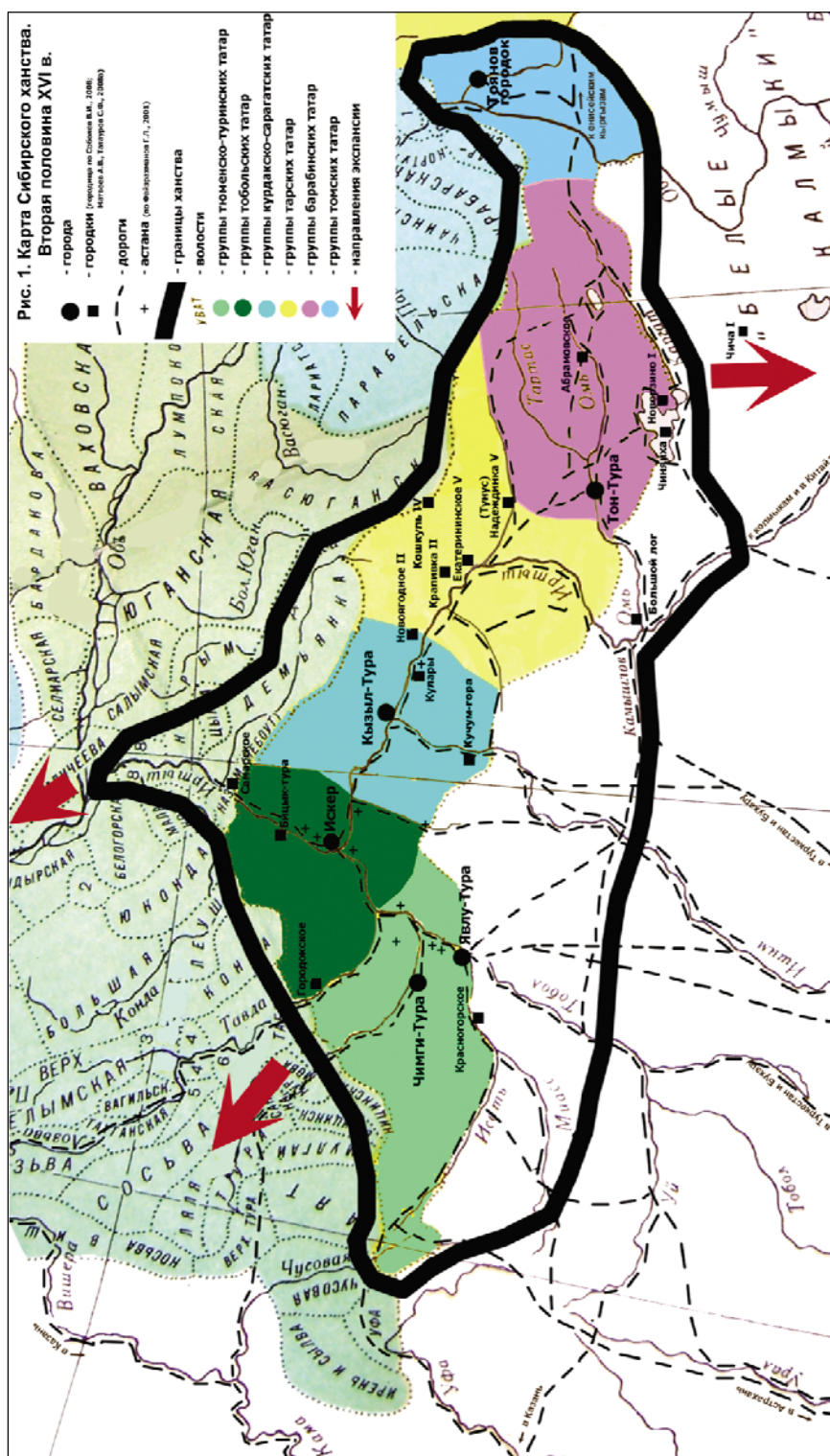
цельный комплекс исторических, этнографических, археологических и генетических исследований.

Ключевые слова: Сибирь, ханство, население, экономика, религия, консолидация, ислам, политика, археология.

В конце XVI в. хан Кучум потерпел окончательное поражение и сошел с исторической арены. Огромная территория бывшего Сибирского ханства вошла в состав Российского государства, проживавшее на ней население стало его подданными. Ханство Кучума занимало практически всю лесостепную и южно-таежную зоны Западной Сибири, где проживали многочисленные группы тюркоязычного населения. Г.Ф. Миллер назвал их всех одним именем – татары. Он писал: «Главнейшим народом Сибири являются татары, которые живут в южных местностях по рекам Тоболу, Иртышу, Оби, Томи и Енисею и лежащих между ними степях» [10, с.166]. Давая это определение ученый, вероятнее всего, ориентировался на определенную языковую и культурную близость этого населения.

На наш взгляд процесс консолидации сибирских татар занял значительный период времени, фактически все II тысячелетие нашей эры. Создание единого культурного пространства закончилось к моменту присоединения Западной Сибири к Российскому государству. Выражаясь археологическим языком, сибирские татары представляли на этот момент единую историко-культурную общность с определенной близостью материальной и духовной культуры для всей территории лесостепной зоны Западной Сибири с локальными вариантами, тяготеющими к долинам крупных рек – Тоболу, Ишиму, Иртышу и Оби. В результате этого процесса сформировались большие региональные этнические группы сибирских татар (выделенные и описанные Н.А. Томиловым), которые во второй половине XVI в. оказались объединенными в границах одного государства – Сибирского ханства (Рис. 1). Процесс консолидации в один этнос этого населения проходил уже в составе российского государства. Известный сибирский этнограф Н.А. Томилов сделал вывод, что формирование сибирских татар в единый этнос проходило вплоть до начала XX в. [20].

Продолжительность процесса консолидации была обусловлена несколькими факторами. Прежде всего, значительную роль в этом сыграл тот факт, что процесс переселения отдельных тюркоязычных групп в Западную Сибирь растянулся на более чем тысячу лет. Например, в Тарском Прииртышье первые группы тюркоязычного населения, которые мы соотносим с процессом формирования сибирских татар, фиксируются в конце IX в. (хотя вполне возможно, что отдельные проникновения были и в более ранний период), а последние переселенцы приходят на эту территорию уже в XVI в. [18].

Основа «Карта распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в.» (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. М., 2000).

Немаловажным фактором, повлиявшим на длительность процесса консолидации, являлись природно-географические условия территорий расселения мигрантов. В первую очередь это были долины крупных рек Западной Сибири (Обь, Иртыш, Ишим и т.д.), отделенные друг от друга огромными труднопроходимыми болотными массивами. Эти болота способствовали становлению обособленных в социально-экономическом отношении отдельных групп, что в свою очередь приводило к формированию системы жизнеобеспечения сообразно природным ресурсам места проживания. Немалое значение имели и места выхода групп тюркоязычного населения, которые варьировались от предгорий Алтая до Средней Азии и Поволжья. Некоторые группы, например, с Южного Урала, фактически просто расширили свой район расселения и сохранили свои связи с прежним районом проживания, другие преодолели несколько тысяч километров и утратили связи с населением, которое осталось на месте их выхода. Несмотря на достаточно длительный период обитания этих групп на новых территориях, в настоящее время мы фиксируем у этого населения в их исторических легендах, компонентах орнамента, языке и в других чертах их облика, элементы, указывающие на их прежние места обитания. Но чем дальше уходила группа, тем сложнее ей было сохранить свои традиции, свой культурный облик. Образно это можно представить как снег, выпавший на землю и разнесенный ветром по огромной территории, но при таянии неминуемо стекающий в один водоем.

Все вышеперечисленные факторы существенно затрудняли процесс формирования единого этноса, но уравнивались единством на «родственном» «генетическом» уровне, общей «историей» тюркоязычного населения Северной Евразии. Эта объединяющая идея впоследствии многократно умножилась после завоеваний Чингизхана и основания монгольского государства. С этого времени его сакральный облик, его кровь стали гарантом для его потомков на первенство во всех частях света, куда дошли его армии, и их положение равнялось той доли крови Чингизхана, что текла в их венах. «Создание в Улусе Джучи иерархии кланов во главе с джучидами трактовалось не просто как учреждение государства, а как акт социального творения, упорядочения микрокосма» [6, с.193].

Вся клановая и родовая верхушка тюркоязычного населения Евразии стремилась впить в себя как можно больше крови великого предка. По этой причине династические браки стали одним из основных политических инструментов достижения определенных целей – присоединение территорий, заключение военных и торговых союзов и т.д. Только потомок Чингизхана имел право на ханский титул, только он мог говорить как равный с правителями других государств. Поэтому все, казалось бы, разобщенные огромными территориями и природными преградами группы тюркоязычного населения

были связаны этой родственной нитью. Чем выше был статус лидера определенной группы, тем дальше и престижней выбирались невесты или женихи для его детей. Заключение брака становилось возможным только с равными партнерами по происхождению и равными по количеству в них сакральной крови.

Вхождение практически всей лесостепной и южнотаежной зон Западной Сибири в монгольское государство стало важным моментом для социально-экономического развития региона, однако трактовать его, как положительный фактор для консолидации тюркоязычного населения однозначно нельзя. Этот факт вхождения в общую, более высокую по уровню связей государственную структуру, коснувшись только верхушки общества, не затронул общую массу населения, став еще одним фактором социального расслоения общества.

Такое объединение на государственном уровне базировавшееся на кровном родстве политической элиты, а не на развитости социально-экономических отношений, оказалось недостаточным для того, чтобы уже в XIV–XV вв. идеологически сплотить все тюркоязычное население Сибири. Письменные источники, при всей их скудности, неоднократно показывают нам примеры, когда значимость принадлежности к роду Чингиз-хана перевешивала конфликты и претензии. Например, очень сложные и напряженные взаимоотношения хана Кучума и казахских ханов не мешали им скреплять свои договоренности династическими браками. В первую очередь эти браки были выгодны для партнеров хана Кучума – роднившихся с потомком Чингиз-хана. Сыновья и внуки хана Кучума на протяжении многих десятилетий вели упорную борьбу с российским государством. Они находили поддержку среди калмыцкой и ногайской знати и, за все время этого противостояния не было ни одного случая, чтобы последние выдали русским хоть одного из потомков легендарного хана. Более того, они не считали возможным, обладая значительным военным превосходством, захватить родовые земли Кучумовичей или ущемить их в каких-то правах. Наоборот, кучумовичи были своеобразным знаменем в этой борьбе и получали достаточную поддержку для противостояния российскому государству.

Государственное объединение Кучума стало одним из слагающих факторов в формировании сибирских татар. Его значение было настолько сильным, что оно смогло устоять перед российской администрацией, которая категорически не хотела сближения всего тюркоязычного населения. Последняя по своему усмотрению нарисовала административное деление в Западной Сибири, поделив ее на воеводства, уезды, волости и т.д. и, тем самым, поставив между группами дополнительные административные барьеры. Часть татар (преимущественно тюменских) была принята на военную службу и уже через несколько лет принимала активное участие в борьбе с отрядами хана Кучума. Были предприняты меры для раскола аборигенного

населения Сибири по религиозному принципу и, следует признать, что это русской администрации практически удалось. Тюркоязычное население потеряло своих союзников в лице угорского и самодийского населения. Еще в 70–80-х годах XVI в. татарские и хантыйские отряды вместе совершали походы в Поволжье, участвовали в противостоянии с отрядом Ермака. Но обращение их в православие разорвало эти отношения. После этого не было зарегистрировано никаких совместных походов или других действий. Позже аналогичные попытки разделить по религиозному принципу стали предприниматься в отношении других групп тюркоязычного населения. Так в Приобье были крещены чаты. Другими формами борьбы против ислама становились уничтожение мечетей и изгнание мулл [22, с.142]. Впрочем, как правило, эти мероприятия не имели успеха. Более того эти действия приводили к определенным конфликтам, что в итоге привело к отказу от планов обращения татар в православие. В качестве противодействия крещению в практику вошло покидание тюркоязычным населением мест проживания и переселение за границу подвластных Москве земель – на свою прежнюю родину. Так, татары, не пожелавшие оставаться в составе российского государства, переселились с Иртыша и Тобола на восток в Приобье и далее в Кузнецкую котловину, где они влились в состав местного населения. Аялыньские татары, проживавшие в Тарском Прииртышье и поддерживавшие Кучумовичей, переселялись на Южный Урал, где они почти беспрепятственно стали селиться рядом с другими группами тюркоязычного населения [24, с. 34–35].

С разгромом Сибирского ханства его население вошло в другое государственное образование – Российское государство, то есть один связующий государственный фактор был заменен на другой. Отличие было в том, что из его управляющих структур было исключено аборигенное население. Привлечение родовой верхушки к управлению в первый период присоединения имело место, но было эпизодическим и быстро кончилось.

Верхушка тюркоязычного населения лишилась своей власти. Так, в частности, при хане Кучуме широко практиковался сбор ясака не только со своего тюркоязычного населения, но и с находящихся с ним в даннических отношениях хантыйских родов. Татарской знати было необходимо компенсировать потерю власти, и она нашла выход, который заключался в исламизации всего тюркоязычного населения. Именно татарская знать сформировала новое мусульманское духовенство и продолжила политику укрепления основ религии среди местного населения. В Сибирском ханстве хан Кучум стремился объединить вокруг ислама все тюркоязычное население. Характерными чертами становилась выписка из Средней Азии проповедников, строительство новых мечетей, создание новых святых мест (астана). Впрочем, до конца XVI в. ислам еще так и не стал основной

религией для подавляющего числа местного тюркоязычного населения, сохранявшего веру в языческие культы. В течение XVII–XVIII вв. татарская элита продолжала укреплять основы ислама в Сибири. Это хорошо иллюстрирует судьба мусульманской общины в г. Таре. Местная русская администрация неоднократно сносила мечети (или, по крайней мере, не способствовала их восстановлению после пожаров, которые в городе были очень частым явлением), но татары после просьб и челобитных, как правило, их восстанавливали. После очередного такого акта в 1744 г. татары в очередной раз обратились с просьбой об ее восстановлении, подчеркивая в наказе, что они не язычники – «мы во Всевышнего Создателя, хотя и по магометанскому закону, веруем, ангелов и пророков всех почитаем и чувствуем» [4, с. 62]. Тарские власти отступили, мечеть была восстановлена. Для нас особо значим тот факт, что мусульманскую общину в Таре на протяжении всего времени ее существования возглавлял род Айтикиных – потомков Дин-Али-ходжи, одного из первых проповедников ислама в Сибири [2]. Зная, сменив светскую власть на духовную, сохранила за собой контроль над обществом и свое положение и, самое главное, взяла на себя продолжение процесса консолидации тюркоязычного населения Западной Сибири.

Процесс формирования сибирских татар в конце XVI – XIX вв. документируется данными археологических исследований ряда памятников в Тарском Прииртышье, исследованных омскими учеными в конце XX – начале XXI вв. [8; 19]. Следует отметить, что, несмотря на обособленность, в силу природно-географических условий, районов проживания тюркоязычного населения в лесостепной полосе Западной Сибири, эти поселения имеют много общего. Так системы жизнеобеспечения достаточно близки по своим основным параметрам (жилищам, системам обогрева, структурой питания и т.д.) [23]. Это объясняется как определенной общностью происхождения, так и имевшимися связями между группами населения, пусть и не интенсивными, но достаточными для быстрого распространения тех или иных инноваций в хозяйстве, быту и т.д. Эта особенность в описываемый нами период стала основой для развития социально-политических и экономических отношений, в качестве косвенного показателя возможности интеграции населения на более высокий уровень.

Наиболее важную информацию об изменении этнического облика, а также материальной и духовной культуры населения Западной Сибири несут погребальные памятники этого времени. Основные черты погребального обряда тюркоязычного населения этого времени мы находим у ученых и путешественников XVII–XIX вв.: Д.Г. Мессершмидта, П.С. Палласа, Г.И. Георги, В.В. Радлова и других [3; 13; 14; 16]. В XX в. археологические [5; 12; 17] и этнографические [1; 21] исследования погребального обряда тюркоязычного населения отдельных районов лесостепного и южнотаежного поясов

Западной Сибири позволили воссоздать и выделить эти специфические особенности.

Археологические исследования погребальных западносибирских памятников XIV–XVII вв., проводимые в последние годы новосибирскими и омскими учеными [15; 8] позволяют констатировать их несомненную близость. По всем основным параметрам – ориентация, глубина и размеры могильной ямы, труположение, сопроводительный инвентарь – эти погребения имеют очень много общих черт. Различия фиксируются только в локальных моментах, вызванных ситуативными факторами – наличием и составом деревянных деталей, сохранностью находок, особенностью химического состава почв и т.д.

Специфичность ситуации придает то обстоятельство, что мы не знаем в этот период уровень исламизации татар Прииртышья. Вопрос об исламизации населения Западной Сибири в историографии остается до сих пор полностью не изученным. В основном исследовались проблемы связанные с традиционными религиозными обрядами и верованиями. В свою очередь, это можно объяснить, отсутствием в настоящее время широкой источниковой базы [17, с.140–142]. Местное население в этот период не имело отдельных мусульманских кладбищ. Поэтому для осмысления этого вопроса необходимо проведение исследовательских работ по выделению комплекса могил в планиграфии кладбищ. Следует признать, что большинство захоронений этого времени созданы не по исламским канонам и содержат значительное количество сопроводительного инвентаря – оружие, посуду, бытовые предметы. М.А. Корусенко, объясняет это тем, что в Сибири был распространен «бытовой ислам», учитывающий значительную роль доисламской языческой культуры при периферийном географическом положении региона в исламском мире. Эта форма ислама позволяет гибко подходить к традиционным нормам и обычаям, в необходимых случаях допуская значительные отклонения от установок шариата [7].

В.А. Могильников характеризуя археологические комплексы второй половины II тыс. н.э. в нижнем и среднем течении р. Тары отмечал, что «присутствие данных вещей в подкурганых захоронениях и единичных грунтовых, как и обычай насыпания курганов, отражают переживание языческих традиций в погребальном обряде рядового населения Тарского Прииртышья того времени в условиях внедрения новой веры, восприятие которой фиксируется по распространению все большего числа безинвентарных могил под курганами, а затем и обряда бескурганых погребений без вещей (некрополь Окунево 3) [11].

На наш взгляд, корни сосуществования на одном погребальном комплексе разных погребальных практик следует искать не только в языческом прошлом этого народа. Исламизация тюркоязычного на-

селения Западной Сибири происходила по такому же принципу, как и распространение любой другой мировой религии на земном шаре. Сначала ее воспринимала знать, и затем она распространяла ее в среде обычного населения. Татарские могильники не подразделяются на мусульманскую и языческую части. Знать совершала погребения своих представителей с учетом мнения всего населения. Если бы они отказались от всех черт традиционного обряда, то могли лишиться значительной части своей сакральной значимости. Представители элиты татарского общества погребались как борцы, погибшие за веру, и снаряжались для продолжения этой миссии в другом мире. Рядом с ними, как правило, хоронили воинов, погибших вместе с ними. Это был определенный компромисс между новой религией и традициями тюркских воинов, во главе которых стояли вожди, шедшие впереди во всех сражениях и бывшие гарантами их жизней и благополучия их семей.

На могильниках в Прииртышье мы фиксируем захоронения, которые выделяются из общего ряда размерами и устройством надмогильного сооружения и погребальной камеры, сопроводительным инвентарем (комплект оружия и дополнительным инвентарем – конской сбруей, котлами и т.д.). Наиболее выразительное в этом плане захоронение №267 было исследовано В.И. Матюшенко при раскопках позднесредневекового могильника на Татарском увале у д. Окунево [9]. Это погребение представителя знати, облаченного в железный пластинчатый доспехи с богатым набором оружия. Рядом с ним располагаются погребения воинов с оружием и конской упряжью (мог. № 248, 260). Подобное захоронение мы зафиксировали и на могильнике Бергамак II – №41, выделяющееся тем, что умерший был положен на белый войлок и с богатым комплектом оружия, бронзовым котлом, конской упряжью, украшениями и т.д. Рядом с ним располагались захоронения №№ 33, 34 с наборами оружия и конской упряжью [7, с. 166–167]. Такие же захоронения мы наблюдаем и в Барабе, где на могильнике Абрамово–4 выделяются захоронения с наборами оружия [12]. В этот период именно кладбища становятся религиозными центрами у сибирских татар, местами – где лежат воины, павшие за веру.

На погребальных комплексах XVIII в. практика захоронения умерших с оружием постепенно исчезает, могилы содержат гораздо меньше инвентаря и, можно констатировать, что основные параметры погребального обряда, в той части, что касается собственно захоронений, становятся ближе к нормам ислама. Религиозными центрами становятся мечети, где служители следили за соблюдением обрядов, проводили праздники, обучали детей и, тем самым, приводили общество к определенному культурному единству как в рамках одного населенного пункта так и в целом для всего региона.

В итоге, мы можем сделать вывод, что тюркоязычное население Западной Сибири под влиянием не экономических, а преимущественно политических событий оказалось достаточно организованным к последней трети XVI в., то есть готовым к дальнейшему сближению и превращению в единый этнос. Однако этот процесс стал развиваться уже в условиях присоединения Западной Сибири к Российскому государству в XVII–XIX вв. Поэтому ключевую роль в исламизации всего тюркоязычного населения сыграла татарская родовая знать и переселившееся из Средней Азии и Поволжья мусульманское население. К сожалению, следует констатировать, что на настоящее время этот важнейший момент в истории самого многочисленного в Сибири народа так и не описан. Необходим целый комплекс исторических, этнографических, археологических и генетических исследований, что бы совершенно точно выяснить, когда окончательно сформировался этнос сибирских татар.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Валеев Ф.Т.* Западно-сибирские татары. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 232 с.
2. *Валеев Ф.Т.* Родословные записи (шэжэрэ) сибирских татар как историко-этнографический источник // Проблемы антропологии исторической этнографии Западной Сибири. Омск, 1991. С. 98–104.
3. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 2. 116 с.
4. *Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р.* Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX века. Барнаул: Азбука, 2006. 188 с.
5. *Дульзон А.П.* Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчаново на Оби. УЗ ТГПИ. Томск, 1956. Т. XVI. С. 97–154.
6. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.
7. *Корусенко М.А.* Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск: Наука, 2003. 192 с.
8. *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Проблемы культурно-хронологической интерпретации памятников XIV–XVI вв. в Среднем Прииртышье // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2008. С. 149–152.
9. *Матющенко В.И.* Могильник на Татарском увале у д. Окунево (ОмVII). Раскопки 1998, 1999 годов. Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. 64 с.
10. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1999. Т.1. 630 с.
11. *Могильников В.А.* Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртышье (к проблеме происхож-

дения тарских татар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1997. № 1. С. 51–64.

12. Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 260 с.

13. Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. 184 с. (Научно-биографическая серия).

14. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786 Ч.2, кн. 2. 424 с.

15. Позднесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара) / В.И. Молодин [и др.]; отв. ред. Ю.С. Худяков; Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2012. 162 с.

16. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.

17. Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск: Наука, 2008. 356 с.

18. Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Чудаков Д.В. Могильник Алексеевка I // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001. С.114–127.

19. Татауров С.Ф. Сибирское ханство: археологическое наполнение // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. III. С. 431–434.

20. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. 276 с.

21. Томилов Н.А., Шаргородский Л.Т. Погребальный обряд барабинских татар // Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990. С. 116–131.

22. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1992. 271 с.

23. Тюрки таежного Причудлымья: Популяция и этнос. Томск: Издательство ТГУ, 1991. 246 с.

24. Этнокультурная история населения Сафакулевского района (с древнейших времен до начала XX века). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. 102 с.

Сведения об авторе: Сергей Филиппович Татауров – заведующий сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук (644024, пр. К. Маркса, д. 15, корп. 1, Омск, Российская Федерация); TatSF2008@rambler.ru

**THE MAJOR FACTORS OF CONSOLIDATION AND ISLAMIZATION
OF THE TURKIC-SPEAKING POPULATION OF WESTERN SIBERIA
IN THE 16TH–19TH CENTURIES**

S.F. Tataurov

*(Omsk branch of Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)*

The article shows the importance of archaeological materials, particularly of funerary complexes, for both analyzing the process of formation of the Siberian Tatars in the 16th–17th centuries and studying the features of the development of Islam in Siberia.

The author examines the problem of consolidation of the Turkic-speaking population of the forest-steppe zone of Western Siberia in the second millennium AD, which was expressed in the formation of a common cultural, linguistic, and religious space. The author considers the reasons for duration of this process, analyzes the factors that impeded or facilitated the convergence of certain ethnic groups, the level of socio-economic relations, political developments in these regions. The article shows the importance of the Siberian Khanate as a state and ideological unification of the Turkic-speaking population of Western Siberia, as the main unifying factor in the formation of this ethnic group. The author emphasizes the role of the Russian administration, its action for the creation of new Siberian administrative-territorial system, for the spread of Orthodox Christianity, etc. Particular attention is paid to the process of Islamization of the population already living in the framework of the Russian State after the arrival of Russians, to role in this process of the patrimonial Tatar nobility.

As a result, we can construct the situation as follows. Influenced primarily by political (but not economic) developments, the Turkic-speaking population of Western Siberia was sufficient organized to the last third of the 16th century that is ready to the further rapprochement and transformation into single ethnic group. The weakness of social and economic relations did not allow to develop this convergence. Process of consolidation already began to develop in other conditions – after annexation of Western Siberia by the Russian State – in the 17th–19th centuries. The Tatar nobility and Muslim population migrated from Central Asia and the Lower Volga region, played a key role in this process and Islamization of the entire Turkic-speaking population became a crucial factor. This article only underlines major factors of this process. The whole complex of historical, ethnographic, archaeological, and genetic research is needed to fully explore the history of the formation of the Siberian Tatars and defining its basic chronological stages and driving forces.

Keywords: Siberia, khanate, population, economy, religion, consolidation, Islam, policy, archaeology.

REFERENCES

1. Valeev F.T. *Zapadno-sibirskie tatary* [The Western Siberian Tatars]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1980. 232 p.

2. Valeev F.T. Rodoslovnnye zapisi (shezhere) sibirskikh tatar kak istoriko-etnograficheskiy istochnik [Genealogical Records (shedzheres) of Siberian Tatars as a Historical and Ethnographic Source]. *Problemy antropologii istoricheskoy etnografii Zapadnoy Sibiri* [Problems of Anthropology of Historical Ethnography of Western Siberia]. Omsk, 1991, pp. 98–104.

3. Georgi I.G. *Opisanie vseh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov* [Description of All the Peoples Living in the Russian State]. St. Petersburg, 1799. Part. 2. 116 p.

4. Goncharov Yu.M., Ivonin A.R. *Ocherki istorii goroda Tary kontsa XVI – nachala XX veka* [Essays on the History of the Town of Tara of the late 16th – early 20th centuries]. Barnaul, Azbuka, 2006. 188 p.

5. Dul'zon A.P. *Ostyatskie mogil'niki XVI i XVII vekov u sela Molchanovo na Obi* [Ostyak Burials of the 16th and 17th centuries near the Village of Molchanovo on the Ob River]. UZ TGPI. Tomsk, 1956. Vol. XVI, pp. 97–154.

6. Iskhakov D.M., Izmaylov I.L. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.)* [Ethno-Political History of the Tatars (3rd – mid-16th centuries)]. Kazan, Shkola Publ., 2007. 356 p.

7. Korusenko M.A. *Pogrebal'nyy obryad tyurkskogo naseleniya nizov'ev r. Tara v XVII–XX vv.: Opyt analiza struktury i sodержaniya* [Funeral Ceremony of the Turkic Population in the Lower Reaches of Tara River in the 17th–20th centuries: An Experience of Analysis of the Structure and Contents]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2003. 192 p.

8. Matveev A.V., Tataurov S.F. Problemy kul'turno-khronologicheskoy interpretatsii pamyatnikov XIV–XVI vv. v Srednem Priirtysh'e [Problems of Cultural and Chronological Interpretation of the Monuments of the 14th–16th centuries in the Middle Irtysh Region]. *Vremya i kul'tura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy: problemy interpretatsii i rekonstruktsii. Materialy Zapadno-Sibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii* [Time and Culture in Archaeological and Ethnographic Studies of Ancient and Modern Societies of Western Siberia and Adjacent Territories: Problems of Interpretation and Reconstruction: Proceedings of the Western Siberian Archaeological and Ethnographic Conference]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2008, pp. 149–152.

9. Matyushchenko V.I. *Mogil'nik na Tatarskom uvale u d. Okunevo (OmVII)*. Raskopki 1998, 1999 godov [Burial Ground on the Tatar Uval near the Village of Okunevo (OmVII). Excavations in 1998, 1999]. Omsk, Omsk State University Publ., 2003. 64 p.

10. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999. Vol. 1. 630 p.

11. Mogil'nikov V.A. Pozdnesrednevekovye materialy iz kompleksa pamyatnikov u der. Okunevo v Tarskom Priirtysh'e (k probleme proiskhozhdeniya tarskikh tatar) [Late Medieval Materials from the Complex of Monuments Near the Village of Okunevo in the Tara Irtysh Region (problem of the origin of the Tara Tatars)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology, and Ethnography]. Tyumen, 1997, no. 1, pp. 51–64.

12. Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. *Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya* [Baraba in the Late Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990. 260 p.

13. Novlyanskaya M.G. *Daniil Gotlib Messerschmidt i ego raboty po issledovaniyu Sibiri* [Daniil Gotlib Messerschmidt and His Work on Research of Siberia]. Leningrad, Nauka Publ., 1970. 184 p. (Nauchno-biograficheskaya seriya).
14. Pallas P.S. *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva* [Journey in Various Provinces of the Russian State]. St. Petersburg, 1786. Part. 2, kn. 2. 424 p.
15. *Pozdnesrednevekove kompleksy na ozere Kryuchnoe (Srednyaya Tara)* [Late Medieval Complexes on Lake Kryuchnoe (the Middle Tara)]. V.I. Molodin [i dr.]; otv. red. Yu.S. Khudyakov; Novosibirsk, Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, 2012. 162 p.
16. Radlov V.V. *Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika* [From Siberia: Pages from the Diary]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 749 p.
17. Sobolev V.I. *Istoriya sibirskikh khanstv (po arkheologicheskim materialam)* [History of the Siberian Khanates (according to archaeological materials)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008. 356 p.
18. Tataurov S.F., Tikhonov S.S., Chudakov D.V. Mogil'nik Alekseevka I [Burial Alekseevka I]. *Materialy po arkheologii Ob'-Irtys'ya* [Materials on the Archaeology of the Ob-Irtys' Area]. Surgut, 2001, pp. 114–127.
19. Tataurov S.F. Sibirskoe khanstvo: arkheologicheskoe napolnenie [The Siberian Khanate: An Archaeological Content]. *Trudy IV(XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani* [Proceedings of the 4th (20th) National Archaeological Congress in Kazan]. Kazan, Otechestvo Publ., 2014. Vol. III, pp. 431–434.
20. Tomilov N.A. *Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI – pervoy chetverti XIX vv.* [Turkic-Speaking Population of the Western Siberian Plain in the late 16th – early 19th centuries]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1981. 276 p.
21. Tomilov N.A., Shargorodskiy L.T. Pogrebal'nyy obryad barabinskikh tatar [Funeral Ceremony of the Baraba Tatars]. *Obryady narodov Zapadnoy Sibiri* [Rituals of the Peoples of Western Siberia]. Tomsk, 1990, pp. 116–131.
22. Tomilov N.A. *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadno-Sibirskoy ravniny kontsa XVI – nachala XX v.* [Ethnic History of the Turkic-Speaking Population of the Western Siberian Plain in the late 16th – early 19th centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992. 271 p.
23. *Tyurki taezhnogo Prichulyum'ya: Populyatsiya i etnos* [The Turks of Chulyma Region: Population and Ethnos]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1991. 246 p.
24. *Etnokul'turnaya istoriya naseleniya Safakulevskogo rayona (s drevneyshikh vremen do nachala XX veka)* [Ethno-Cultural History of the Safakulevsky District Population (from ancient times to the early 20th century)]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2012. 102 p.

About the author: Sergey Filippovich Tataurov – Head of the Department of Archaeology, Omsk branch of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sci. (History) (644024, K. Marksa st., 15, korp. 1, Omsk, Russian Federation); TatSF2008@rambler.ru